

Н О В Ы Й Г Р А Д

под редакцией

И. Бунакова и Г. Федотова

10

П А Р И Ж

1935

С о д е р ж а н і е :

От редакції	3
Ф. Степун. Пореволюціонное сознание и задача эмигрантской литературы	12
Г. Федотов. Борьба за искусство	29
С. Савельев. Оторванные. (Писатели и читатели в странах диктатуры)	44
Н. Бердяев. О пророческой миссии слова и мысли. (К пониманию свободы)	56
К. Мочульский. Кризис означает суд	66
И. Херасков. О кризисе демократии	79

И д е и и ж и з н ь

Б. Ижболдин. Крестьянская проблема в Средней Европѣ ..	92
П. Бицилли. На путях к новому граду	106
Мон, Марія (Скобцова). Православное дѣло	111
С. Бѣлозеров. Общее дѣло	116
И. Бунаков. Возвращаться ли нам в Россію?	128
Духовный фронт	132

К н и г и

П. Бицилли. G. Gurvitch, L'expérience juridique. — Г. Ф. В. Souvarine, Staline	139
--	-----

Послѣ годичная перерыва № 10 «Новаго Града» выходит с новым, расширенным содержанием. До сих пор наш журнал был посвящен преимущественно социальнo-политическому кризису стараго міра и схемам реконструкціи Града, как гражданскаго общества. Что за революціей общественнаго быта стоит глубокий переворот в духовном сознаниі, мы никогда не отрицали. Для нас всегда был ясен первичный, главенствующій характер духовной линіи единаго процесса жизни. Если же мы до сих пор, в теченіе двух лѣтъ, отдавали свои силы почти исключительно социальным проблемам, то дѣлали это, во-первых, исходя из большей остроты и грандіозности их проявленій — время не терпит, — а во-вторых, из болѣе насущной потребности именно их разработки, порядочно запущенной русской религіозной мысли. Эта мысль, безспорно, отличалась сильно выраженным социальным устремленіем; но в тоже время всегда удѣляла слишком мало вниманія конкретным вопросам социальной жизни, которые предоставлялись специалистам чуждаго духа и направленія.

Далекіе от мысли дать послѣдніе отвѣты или законченныя формулировки для самых жгучих социальных вопросов современности, мы однако во многом достигли той степени конкретности, которая единственно мыслима для оторванной от социальной почвы эмигрантской мысли. Дальнѣйшая конкретизація, необходимая на родинѣ, в условіях подлиннаго строительства, может оказаться безплодной и претенціозной на чужбинѣ.

Не отрекаясь от разработки наших старых тем, мы обращаемся к новым, которыя оказываются очень старыми в традиціи русской мысли. Дѣйствительно, с тѣх самых пор, как эта мысль пролепетала свои первые русскія слова, проблема духовнаго кризиса современнаго міра не перестает волновать ее. Ею мучились первые славянофилы и Герцен, и при всей упрощенности и даже грубости, с которой она встала перед основоположниками русскаго національнаго самосознанія, славянофилы оказались правы в своем діагнозѣ болѣзни. Они оши-

бались, думая, что это болѣзнь западнаго міра, что Россія может оказаться в сторонѣ от общей участи. Нѣтъ, драгоценное и опасное наслѣдіе гуманизма, которое они сами несли в себѣ, как сыны созданной Петром интеллигенціи, требовало расплаты. Духовный распад Россіи оказался совершенно подобным, даже болѣе острым и ускоренным, чѣм «гніеніе» Запада. При всем своеобразіи русской, восточно-христіанской традиціи, Россія спаена неразрывно со всѣм христіанским человѣчеством. Падшая, как и все оно, Россія сейчас менѣе, чѣм когда-либо, может притязать на роль спасительницы. Думать, что коммунизм несет в себѣ спасеніе от фашизма (А. Жид), столь же наивно, как видѣть в фашизмѣ спасеніе от коммунизма (русская эмиграція). Коммунизм есть русская разновидность той же болѣзни, какую Запад переживает в формѣ фашизма. Отличія коммунизма достаточно объясняются прошлым Россіи: слабостью буржуазнаго воспитанія, кенотическим аспектом русскаго христіанства и т. п.

Отказываясь видѣть в новых формах общества и сознанія подлинное разрѣшеніе духовнаго кризиса, мы усматриваем в них скорѣе послѣднюю стадію той же болѣзни дезинтеграціи духа. В нашу эпоху механизация жизни выражается в двух поллярных явленіях: в атомизмѣ «буржуазной» личности и в коллективистическом подавленіи ея. Еще для славянофилов и Достоевскаго (которым коллективизм представлялся в двойном обликѣ католичества и социализма) было ясно, что здѣсь мы имѣем дѣло с положительным и отрицательным полюсами того же явленія: нарушенія гармоническаго, «соборнаго» строя отношеній между личностью и обществом. «Новый Град» принимает полностью это завѣщаніе славянофилов, которое, в концѣ концов, совпадает с человѣческой транскрипціей христіанства. Не надо лишь заблуждаться насчет мнимо-спасительнаго значенія «формул». Нѣтъ ничего легче, как начертать схему идеальных соотношеній личности и общества, ускоренных в Богѣ, нѣтъ ничего труднѣе реализовать их. Само христіанство, жизненно, постоянно раздваивается между утвержденіями личнаго и социальнаго начала. В самом православіи живут обѣ тенденціи. Великій дар «практики», во всем философском смыслѣ этого сло-

ва, — будь то этика, политика, искусство, святость — в жизненном воплощеніи идеи. Малѣйшій намек на реализацію, простой эскиз, конкретное видѣніе, жизненный акт — цѣннѣе стройных систем, округленных теорій. Наше время изголодалось по искренности. Скольженіе над пропастями, переброска воздушных мостов справедливо раздражает. Все «гладкое» начинает казаться лживым. Не в этом ли чрезмѣрном схематизмѣ и преждевременной округленности русскаго идеализма объясненіе бунта Маяковскаго и всего хаоса разнузданной вмѣстѣ с ним звѣриной правды?

Не будучи «практиками» в прямом смыслѣ слова, новгородцы хотят стать «слѣдопытами» новых дорог. Не пионеры, а топографы новой земли, критики в подлинном смыслѣ слова: оцѣнщиков, измѣрителей глубин, лоцманов опасных переходов — такую мы представляем себѣ, без ложной скромности, свою роль — Линкея на кораблѣ аргонавтов.

*
**

Никогда еще, со времени перемирія 1918 г., человѣчество не подходило так близко к новой міровой войнѣ, как в эти дни. На этот раз угроза встала не с той стороны, с которой ее ждали: не Германія, а Италія обнажила меч. Мѣстная колоніальная война, в отличіе от японскаго завоеванія Китая, грозит превратиться во всемірный пожар благодаря тому, что Италія наступила на невралгическій пункт Англій: на ея пути к Индіи. Было бы лицемѣріем отрицать наличность скрытых имперіалистических мотивов в политикѣ Англій, но было бы цинизмом не вѣрить ея политической искренности. Для всякаго наблюдателя англійской жизни несомнѣнно, что в глазах рабочих масс Англій, ея интеллигенціи, ея церкви не государственнй эгоизм, а идея попраднаго права волнует, будит негодованіе, толкает к требованію санкцій. Здѣсь мы имѣем столь обычный случай совпаденія эгоистических и безкорыстных мотивов, которое необходимо для всякаго большого національнаго движенія. Чтобы справедливо оцѣнить поведеніе Англій, нам, русским, достаточно вспомнить нашу балканскую политику, гдѣ совер-

шенно чистое и благородное сочувствіе угнетенным братьям-славянам текло по руслу традиціонной государственной экспансіи. В мірѣ повсюду совершались и совершаются насилія; можно сочувствовать бурам, полякам, индусам... Но общенародная волна, для единства своего направления, требует, хотя бы бессознательно, опоры в коллективном интересѣ.

Вот почему и созданіе международнаго принудительнаго права, Лиги Націй, не может опираться на чисто идеальныя нормы. Как в источникѣ всякаго государственнаго образованія лежит совпаденіе силы и права, при чем исторія государств есть исторія этизированія созданных силой отношеній, так слѣдует представлять себѣ и взаимный рост сверх-государственнаго права. «Лига Націй» в Женевѣ была созданіем группы держав-побѣдителей. В этом была не ея слабость, а ея сила. Версальская коалиція могла стать европейской, и — в предѣлѣ — всемірной — лишь в процесѣ расширенія своего руководящаго ядра и этизации своего права, первоначально узко охранительнаго. Status quo должен был расшириться в status, приѣмлемый для побѣжденных, для всѣх участников международнаго общенія. Если этого не случилось, если Лига шла от пораженія к пораженію, виной тому нерасчетливый эгоизм побѣдителей и, главное, основной раскол в их лагерѣ, проходящій между Англійей и Франціей с ея союзниками. Этот раскол сорвал дѣло разоруженій и привел к вооруженію Германіи, а за ней и всего міра. Этот эгоизм в дѣлежѣ германскаго наслѣдства привел к обидѣ Италіи — основной ранѣ ея истерическаго имперіализма.

Обдѣленная Италія протестует. Та доза справедливости, которая заключена в ея домогательствах (справедливость разбойничьяго стана), испорчена в конец цинизмом ея принципов. Фашистское государство принципиально отрицает право — внутри и во внѣ, и не может понять, почему его апелляція к голой силѣ не встрѣчает всеобщаго сочувствія. Муссолини, драпируясь в римскую тогу, основательно забыл своего Цезаря, если когда-нибудь знал его. Забыл о том, что каждый шаг римской экспансіи был прикрыт защитой международнаго пра-

ва. Но, забыв исторію, Муссолини забыл и нѣкоторые основныя факты современной политики.

Эра колониальной экспансіи Европы уже закончилась; начинается отлив, наступленіе цвѣтных рас. Италія опоздала к раздѣлу міра. Нынѣ колоніи перестают быть рынками для европейскаго капитала, и цвѣтныя народы — объектом эксплуатаціи. Что сулит Италіи завоеваніе Эѳіопіи? Огромныя жертвы, и в результатѣ — полу-цивилизованная страна, обученная и вооруженная своими господами, и готовая в один прекрасный день сбросить их в море. Горе, если національная революція эѳіопов совпадет с возстаніем всей арабской и черной Африки против Европы. Муссолини совершает акт, преступный с точки зрѣнія блага челоувѣчества. Уже сейчас ему удастся вызвать впервые в мірѣ общій цвѣтной фронт — от Японіи до негров. В эпоху упадка и междоусобія, в которую вступила Европа (а от Европы ни Италія, ни Германія не отдѣлимы), безразсудство Италіи означает измѣну европейской (римской!) націи, о которой у нас своевременно напомнил В. В. Вейдле.

Занимая таким образом рѣшительную анти-итальянскую позицію в текущем спорѣ, мы отнюдь не горим, подобно лѣвым группам Франціи и Англии, жаждой священной войны. В этом отношеніи урок 1914 года не должен пройти даром. В настоящее время война не только не может быть оружіем національной политики, как заявлял пакт Келлога, но не может вообще быть орудіем политики. Ея послѣдствія непредвидимы; ея разрушенія далеко превосходят всѣ возможные результаты. Различіе между побѣдителями и побѣжденными теряет всякое значеніе. Война есть просто взрыв культуры. До каких предѣлов докатится Европа послѣ новой войны? Быть может, современная Абиссинія покажется для нея идеалом права и свободы. Поэтому мы привѣтствуем всѣ формы международнаго давленія — кромѣ войны. Наилучшим исходом была бы, конечно, собственная Немизиды Италіи: пески Абиссиніи, подобно снѣгам Россіи, могли бы похоронить еще одну диктатуру. Итальянскій народ, цѣною отрезвленія от «римскаго» угара, мог бы вернуться к своей подлинной великой традиціи: христіанства и

гуманизма Данте, а не Цезарь стоит у колыбели его национального бытия.

Есть внутреннее сродство между военной опасностью и психологией фашистских народов. Фашизм — это армия, ставшая государством и нуждающаяся в войне для оправдания своего существования. Социальный туман, окутывавший рождение новых диктатур, уже разсыивается. Социальные идеи были хороши, когда нужно было бить коммунизм, ломать буржуазную демократию. Порядок, за счет свободы, был обещан для завоевания хлеба. Это обещание осталось невыполненным. Выяснилось, что фашистское государство не спасает народ от экономического кризиса; что огромную власть, которую собрало государство, оно не может употребить на построение нового общества. Не может, ибо само связано с капитализмом — больше постыдно, чем поносимый им либерализм. Одна опека над индустрией, одна регуляция при неприкосновенности прибыли, при связи распределения со скудной заработной платой, очевидно, бессильны преодолеть капитализм. Вот почему, по отзывам многих наблюдателей, в Германии и Италии начинается известное разочарование в новом режиме. В Германии хозяйственные затруднения принимают уже тяжелые формы. И фашизм должен двигать свои полки, собранные для штурма капитализма, по линиям наименьшего сопротивления — против эллинов или евреев. Но ни эллинской кровью, ни еврейским унижением не накормить голодных и не насытить проснувшегося чувства социальной справедливости. Изнашивание диктатур — один из отрадных проблесков сегодняшнего дня.

К сожалению, кризис фашизма не искупается работой и волей демократии. За истекший год мы можем занести в наш актив лишь начало бельгийского опыта, где молодежь всех партий объединилась для экономической реформы. В Америке Рузвельт продолжает свою борьбу, при возрастающих трудностях и при оппозиции справа и слева. Хватит ли у него сил и решимости вывести из хаоса величайшую демократию мира? Если да, Америка станет новым — подлинно «третьим» — фокусом мировой кристаллизации. Если нет, — скажем себе: задача социальной реконструкции рассчитана на столетие.

К сожалѣнію, несомнѣнный хозяйственный подъем Англіи связан — хотя бы отчасти — с ростом военной промышленно-сти. И Франція продолжает биться в право-лѣвой лихорадкѣ; фетиши столѣтних знамен замѣняют для нея реальныя програм-мы дѣйствій. До сих пор, при несомнѣнной побѣдѣ идеи управ-ляемого хозяйства (Лаваль нормирует цѣны!), государство не выходит из мелкой штопки в конец износившагося строя, а тер-зающія его партіи — и слѣва и справа и из «пореволуціон-наго» центра в своей программѣ не идут дальше лозунгов. Франція все еще ждет своего Рузвельта, который один может спасти ее от бесплодной гражданской войны.

*
**

Человѣческому сердцу свойственно искать «отрадных яв-лений», и от сгустившихся над Европой туч хочется отдохнуть на вѣстях, доходящих с нашей родины. В «отрадных явлені-ях» нѣтъ недостатка. Каждый день приносит извѣстіе о новой реформѣ, о новой побѣдѣ здраваго смысла над остатками ком-мунистической доктрины. Дисциплина в школѣ, чины в арміи, выдвиженіе по службѣ, а не по партійному стажу. Каждый день овца за овцой выводятся из избы башкира, по извѣстному анекдоту, и обитателям избы, вѣроятно, кажется, что они ды-шат чистым воздухом. Впрочем, важно отмѣтить: до сих пор реакція не коснулась основ созданнаго революціей хозяйствен-наго строя. Государственный капитализм и коллективистиче-ское земледѣліе остаются нетронутыми. В экономической обла-сти Сталин, подобно Лавалю, ограничивается мелкой штопкой. Отмѣна карточек, колхозный рынок — как не раз в прошлом, государство дает передышку голода, прикрывает рубище ни-щеты, в котором живет страна, не открывая дѣйствительных перспектив зажиточности. Есть даже класс населенія, положеніе котораго явно ухудшается: это класс, именем котораго все еще правит диктатор, несчастный, обманутый, русскій проле-таріат.

Если государственный капитализм остается неприкосно-венным, в чем же социальный смысл новаго Сталинскаго курса?

Прежде всего в перемены социальной базы, на которую опирается власть. Не пролетариат, не партия, не молодежь — как еще недавно — но «знатные» люди, удачники, сдѣлавшие карьеру, поднятые вверх народной волной. Поскольку государство в России — все, все «знатные» люди — служилые, хотя назвать их бюрократией было бы противно духу этого слова. Несомненно, что в России пробились наверх люди инициативы, воли, талантов, биологическая ценность которых уравнивается лишь их безсовестностью. Они строят Сталинскую Россию, не имѣющую ничего общего с коммунизмом. На неравенствѣ, на отборѣ сильных, на строгой социальной иерархии, на чувствѣ государственнаго патриотизма, на культѣ армии. Если бы русское царство вызывало в нас сочувственныя воспоминанія, мы могли бы привѣтствовать безоговорочно черезчур знакомыя черты в национал-социалистическом государствѣ СССР. Основныя формы его структуры — служба и тягло — уводят нас в глубину допетровских столѣтій. И, как в старой Москвѣ, в отличіе от авторитарных демократій Запада, разстояніе между тяглом и службой все углубляется. По-прежнему иерархія крѣпостнаго государства давит непомерной тяжестью на угнетенную массу народа. Интеллигенція сплотилась вокруг трона во имя технической революціи сверху, смысл которой — индустриализація России. Последняя черта, сообщающая всему общественному типу СССР столь динамическій характер, ведет нас прямо в XVIII вѣк. Лишь там мы найдем столь характерное для современности сочетаніе: оды Фелицѣ и посланія о «пользѣ стекла».

Одно остается для нас неясным из зарубежной дали, и это неясное — самое волнующее и важное: это прочность новаго «термидоріанскаго» строя. Как относятся к власти, как переносят ее или борются с ней тѣ классы, на хребтѣ которых покоится ея пирамида? Угрожает ли Сталину новая революція рабочих и крестьян? Или, точнѣе: угрожает ли России новое пораженчество народных масс при первом вооруженном столкновении? Мы этого не знаем. Мы видим только, что диктатура готова идти на все, что вчера было символом контр-революціи, кро-